

Пора расставлять точки над «і»

Яков АЛЕКСЕЙЧИК,
журналист

В «Беларускай думцы» появляется все больше и больше содержательных публикаций, отвечающих на злободневные вопросы истории и современности. Об этом свидетельствует и недавно опубликованная статья Вадима Гигина «Суворов vs Костюшко». Она не столько показывает «соотношение» между двумя историческими личностями, сколько проливает свет на проблемы, имеющие более глубинный характер и напрямую касающиеся происхождения белорусской нации и формирования белорусской государственности. Именно такой подход представляется наиболее продуктивным. А он, к сожалению, при обращении к событиям отдаленного прошлого встречается еще нечасто. Наоборот, при чтении исторических текстов белорусских авторов нередко возникает впечатление, что многие из них смотрят на минувшее явно не с белорусской точки зрения.

Хочется начать с одной древней легенды. В очень далекие времена семь братьев однажды заспорили о том, что такое правда. Не придя к согласию, сели на коней и поехали искать ее. Долго ездили по белу свету, с разных сторон к ней подъехали, но все-таки увидели ее – правду. Однако когда возвратились домой и стали рассказывать, то оказалось, что все семеро говорят о правде разное. Тогда они снова заспорили, а затем выхватили мечи и стали рубить друг друга до смерти. Умирая, каждый завещал своим детям бороться за ту правду, которую он видел собственными глазами.

Смысл этой легенды о поиске своей правды весьма поучителен. Он не в том, чтобы найти повод предъявить кому-то счет и схватиться за мечи, как те братья. Такой поиск очень важен для молодых государств и обществ, настойчиво ищущих ответ на вопросы: кто мы, откуда мы,

благодаря какому стечению обстоятельств стали народом и обрели собственную государственность? Совершенно очевидно, что и нам непременно надо иметь собственную точку зрения на исторические события, особенно на те, которые являлись поворотными в судьбе нашего народа, прямо или косвенно повлияли на его судьбу и привели к возникновению Республики Беларусь. Или, наоборот, вели к иному результату. А восстание под руководством Анджея Тадеуша Бонавентуры Костюшко, несомненно, относится к тем событиям, которые не способствовали появлению Беларуси на карте Европы. Такая постановка вопроса ничуть не умаляет заслуг этого человека перед Польшей. Он для поляков – герой, честь и хвала ему за это. Герой он и для США, поскольку активно участвовал в борьбе за их независимость. Но для нас – знаменитый земляк, и не более.

С такой же точки зрения надо бы посмотреть и на другие исторические события. К примеру, наше общество в значительной своей части продолжает исходить из того, что Константин (Кастусь) Калиновский, возглавивший восстание 1861–1863 годов на территории нынешних Беларуси и Литвы, был настоящим белорусом. Даже такой уважаемый ученый, как Адам Мальдис, называет его белорусским революционером. А вот один из наиболее читаемых в Польше историков Павел Ясеница в своей книге «Две дороги» не скрывает своего удив-

ОБ АВТОРЕ

АЛЕКСЕЙЧИК Яков Яковлевич.

Родился в 1948 году в д. Переспа Дрогичинского района Брестской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета (1972) и Минскую высшую партийную школу (1979). Работу в печати начал в 1966 году в Ивановской районной газете «Чырвоная звызда». Был на партийной работе в Ивановском райкоме КПБ, Брестском обкоме КПБ, ЦК КПБ.

С 1988 по 2002 год – генеральный директор Белорусского телеграфного агентства (БЕЛТА), в 2006–2009 годах – главный редактор издательства «Беларусь».

ления: как этот «rdzenny», то есть истинный, гербовый, поляк смог стать национальным героем в Беларуси и Литве? Не в словах ли современного белорусского философа и историка Валентина Акудовича содержится ответ на такое недоумение: «Амбіцыі Кастуся Каліноўскага падштурхнулі разыграць «беларускую карту» ў «польскім паўстанні, дзе яму не было першай ролі нават сярод рэгіянальных кіраўнікоў» («Код адсутнасці», 2007). Вот и решил Винцент Константин, что белорусские «дзецюкі» – подходящий объект для самоутверждения. Но, как свидетельствуют факты, не все «дзецюкі». Современные белорусские историки из Польши Олег Латышонок и Евгений Миронович напоминают, что православный человек для него был «схізматэкам», который «як сабака здохне...».

Пора сказать и о некоторых других, которые числятся в списке белорусских борцов. О том же Игнатии Гриневицком, который убил Александра II в 1880 году. Польское издание «Поляки в России от XVII века до 1917 года» (Варшава – Познань, 2000) однозначно причисляет этого ярого сторонника терроризма к полякам, называя его активным сотрудником петербургского отделения польских социалистов. Так зачем нам его на белорусскую сторону тащить? Из-за того, что родился около Бобруйска? В таком случае, не включить ли в этот список царского генерала Н.Н. Юденича, который во время Первой мировой войны успешно командовал войсками Кавказской армии, затем Кавказского фронта, а потом безуспешно боролся с большевиками под Петроградом? Ведь справочник «Энциклопедия Гражданской войны. Белое движение» (Москва, 2002) сообщает, что он происходит из дворян Минской губернии. Сюда же «просится» знаменитый казачий генерал К.К. Мамонтов, которого этот же справочник тоже числит в списке дворян Минской губернии. То же можно сказать о С.Н. Войцеховском, который воевал под непосредственным руководством Колчака и даже командовал Восточным фронтом во время Гражданской войны в России, а потом стал генералом армии и военным министром Чехословакии. Он родился в Витебске, сообщает названный справочник.

Кто-то скажет, что эти генералы воевали не за то, чтобы существовала Беларусь.

«Калинова» –
родовой герб
Калиновских

Тадеуш Костюшко.
Изображение
на 10 злотых
Польской Народной
Республики. 1960 год

Так и Костюшко не за это сражался, что и доказал В. Гигин в своей статье, опубликованной в октябрьском номере «Беларускай думкі». Ведь победы то восстание, направленное на восстановление Речи Посполитой, которая Конституцией от 3 мая 1791 года была объявлена сугубо польским государством, то Республики Беларусь теперь просто не было бы. Микола Ермолович в своей книге со смелым названием «Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае» (2000) по этому поводу выразился конкретно: «Найбольшую пагрозу Канстытуцыя 3 мая несла далейшаму існаванню ВКЛ, а разам з тым і існаванню беларусаў, украінцаў, літоўцаў. Справа ў тым, што Канстытуцыя аб'яўляла Рэч Паспалітую адзінай унітарнай дзяржавай і ўсё яе насельніцтва адзіным народам. Зразумела, што гэта прывяло б да ўтварэння адзінай польскай дзяржавы, якая, абапіраючыся на далейшую ўзмоцненую паланізацыю, ператварыла б разнароднае насельніцтва ў адзін польскі народ». Сам Костюшко, как уточняют О. Латышонок и Е. Миронович в своей книге «Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст.», «быў прыхільнікам паступовай паланізацыі няпольскага насельніцтва». Столь же откровенно высказался о той Конституции польский историк Ежи Лоек. По его словам, главной заслугой Конституции 3 мая является «ликвидация в 1791 году федеративного устройства Речи Посполитой и замена его механизмом государства монолитного, государства явственно и исключительно польского...» Так зачем нам ею восхищаться, если из нее не могла вырасти Республика Беларусь? А ведь за воссоздание Речи Посполитой на фундаменте той Конституции ратовал и Калиновский. Потому всем, кто в Беларуси пишет о Костюшко и его восстании, а также о восстаниях 1830 и 1863 годов, целью которых было восстановление Речи Посполитой, надо бы решить, что для них теперь дороже: Беларусь, гражданами которой они являются, или же чужие фантомные боли.

Совсем недавно в прессе и в Интернете промелькнуло сообщение о том, что мэр Вильнюса отверг предложение назвать именем Костюшко одну из школ литовской столицы. Градоначальник объяснил свое решение очень просто: Костюшко ничего не сделал для Литвы. Уместен вопрос: а что

сделал он для Беларуси? Уж если на то пошло, то для формирования белорусского народа и появления белорусской государственности много сделал как раз А.В. Суворов, разгромивший это восстание. Ведь победы оно... Это очень важная точка над «і», которую обязательно надо поставить. Но не единственная.

По отношению к Конституции 3 мая наше общество пребывает в плену еще одного мифа, который можно назвать мифом умолчания. А ведь ее текст готовился тайком от абсолютного большинства депутатов сейма Речи Посполитой и принимался в столь спешном порядке, что многие депутаты просто не успели прибыть на заседание сейма. Тот же П. Ясеница в книге «Речь Посполитая Обоих Народов. Картины агонии» (Варшава, 1985) сообщает, что «маршалок конфедерации Великого княжества Казимир Нестор Сапега узнал о готовом уже проекте закона только за полчаса до открытия сессии». За ту Конституцию были отданы голоса только ста десяти депутатов сейма. Но на их стороне был и король Станислав Август Понятовский, который сразу же присягнул на ней под крики тех ста десяти. Хотя весь сейм, уточняет П. Ясеница, насчитывал около пятисот человек. Историк делает вывод: 3 мая заседание и принимало решение «явное меньшинство. Государственный переворот был несомненным...» В определенном смысле ту Конституцию трудно назвать легитимной. Это вторая точка над «і», без которой тоже не обойтись.

Говоря о мифах, продолжающих витать над Беларусью, есть основания сказать, что в нашей стране тот же Костюшко мифологизирован даже больше, чем в Польше. Если поляки выставляют «начальнику восстания» претензии, что был он чувствителен ко всякого рода наветам, что не вовремя отдавал приказы, из-за чего терпел поражения, что до конца своих дней так и не признал ни одной своей ошибки, то публикации многих белорусских авторов долгое время представляли его фигурой безупречной. Притом зачастую утверждалось даже то, чего на самом деле не было. Например, говорилось, что после пленения Костюшко пребывал в казематах Петропавловской крепости. Но Марцелина Грабовска в своей книге «Приговоренный к вечности» (Варшава, 1982) пишет, что ему было отве-

дено две комнаты в квартире коменданта этой крепости, а затем он и вовсе был переведен во дворец графа Орлова. И медицинскую помощь ему оказывал не кто иной, как личный врач императора Павла. Конечно, квартира коменданта – тоже не свобода, но сможет ли кто привести пример, свидетельствующий, что какой-то из заключенных, скажем, варшавской тюрьмы Павяк жил в одних апартаментах с комендантом Павяка, а затем был переселен, допустим, во дворец графа Потоцкого? Возможно ли представить, что точно так же обошлись бы власти Речи Посполитой с Суворовым, попади он в плен?

Бывает, что у нас Костюшко приписывают и поступки, которых он не совершал. В посвященной ему статье в «Энциклопедии истории Беларуси» (т. 4, 1997) Владимир Емельянчик утверждает: «Император хацеў падараваць К. 1000 сялян і 12 тыс.

«Польские солдаты в 1794 году на биваке». Художник А. Орловский

рублёў, ад якіх К. пасля адмовіўся...» Но П. Ясеница сообщает совершенно другое: не отказался Костюшко от денег Павла I – он попросил выдать сумму, эквивалентную стоимости крестьян. Ему сразу же были выписаны векселя на 60 тыс. рублей – огромные по тем временам деньги – на английские банки. Так пожелал Костюшко, поскольку он уже, надо полагать, вынашивал план отъезда в США. Взял он и 12 тыс. рублей на дорогу, о чем упоминает в своей статье и В. Гигин. То, что Костюшко брал деньги у российского императора, подтверждает и М. Грабовска, зафиксировавшая в упомянутой уже книге призна-

ние Костюшко, что, уехав из России, он жил на деньги Павла. А историк Александр Широкоград добавляет, что взял он также карету, соболью шубу и соболью шапку, столовое серебро.

В белорусской литературе умалчиваются некоторые факты из деятельности Костюшко. Например, инспектируя корпус Сераковского в Гродно, он приказал «выделить специальные подразделения, задачей которых было бы открытие огня по тем, кто убегает с поля боя», пишет П. Ясеница. Большинство читателей, надо полагать, пребывает в уверенности, что исключительное право на страшное изобретение – заградительные отряды – принадлежит советскому НКВД. Оказывается, еще в первой стычке костюшковцев с колонной генерала Торماسова под Рацлавицами решающий удар по русским нанесли вооруженные косами крестьяне, подгоняемые «четырьмя ротами регулярной пехоты».

Часто встречается также утверждение, что Костюшко отказал Наполеону, когда тот предложил ему принять участие в походе на Россию в 1812 году. Но совсем иные сведения на сей счет приводит А. Широкоград в «Независимом военном обозрении» за 3 апреля 2009 года. Оказывается, это не Наполеон обращался к Костюшко, а, наоборот, Костюшко заявил в письме к наполеоновскому министру полиции Жозефу Фуше, что если императору Франции нужна его помощь, то он, Костюшко, готов ее оказать, однако при условии, что Наполеон даст письменное и публичное обязательство восстановить Польшу в границах, которые пролягут от Риги до Одессы и от Гданьска до Венгрии, включая Галицию. Отрывок из того письма, в котором, кстати, ВКЛ не было даже упомянуто, цитирует и М. Грабовска. А. Широкоград приводит дословный ответ Наполеона: «Я не придаю никакого значения Костюшко. Он не пользуется в своей стране тем влиянием, в которое сам верит. Впрочем, все его поведение убеждает, что он просто дурак. Надо предоставить делать ему, что он хочет, не обращая на него никакого внимания». М. Грабовска тоже сообщает, что в одном из писем своему главному полицмейстеру Наполеон назвал Костюшко именно так.

Ничего подобного по отношению к Костюшко российские императоры не допускали даже после того, как в 1812 году

Аллегорическая картина польского художника Ю. Пешки «Наполеон и Польша»

сто тысяч поляков вместе с Наполеоном ходили на Москву. И вообще, когда читаешь польскую литературу о польском же участии в наполеоновских войнах и реакции на это российских самодержцев, многому удивляешься. Стоит кое-что процитировать и из многостраничной книги Мариана Брандыса «Козетульский и другие», посвященной участию поляков в тех войнах и выдержавшей в Польше уже много изданий. Представьте себе: Наполеон разбит, решается судьба польских формирований, сражавшихся

на его стороне, а тут оказывается, что в «непосредственных беседах с представителями польского войска царь идет на то, чтобы все подразделения были объединены в один корпус с сохранением знаков различия: кокард, орлов, украшений...». Более того: «Смотр польских войск Александр провел 24 апреля в Сен-Дени под Парижем. Молодой, приятный в общении, царь вызвал у офицеров и солдат впечатление целиком положительное... Об этом в один голос твердят все мемуаристы. Александр... относился к ним с высочайшим уважением, при каждом случае выражал удивление их мужеством и несгибаемой верностью, оказанной Наполеону... Кавалерист Микуловский вспоминает: «Начал смотр с нас, раненых, которые в пешем строю стояли на правом крыле. Сошел с коня и каждого из нас спрашивал: чего желаем, а князь Волконский записывал наши просьбы. Я попросил паспорт для выезда на воды и получил его на следующий день».

Теперь об отношении царя Александра к самому Костюшко.

«С письмом к царю обратился Костюшко, умоляя его о том, чтобы он «объявил общую амнистию для поляков». Когда через некоторое время он появился в Париже для поддержки своих просьб, его принимали с наивысшим почетом: «Александр выслал за ним карету, расцеловал его, заверил в своих лучших желаниях в отношении Польши... 3 мая на приеме у княгини Станиславы

Яблоновской... Александр с Константином вели под руки Костюшко, а император, торя ему дорогу среди столпившихся гостей, призывал: «Расступитесь, расступитесь, это великий человек!».

Русский император выразил также согласие на перенесение из Лейпцига в Варшаву праха Юзефа Понятовского – польского генерала и маршала Франции – того самого, который командовал тридцатитысячным польским корпусом в походе на Москву. А когда польский корпус вместе с гробом Понятовского подошел к Варшаве, его встретил русский фельдмаршал Барклай де Толли, против которого воевал князь, и приветствовал поляков возгласом: «Да здравствует мужественное польское войско!».

Вскоре было провозглашено Королевство Польское в составе Российской империи. Со своим правительством, армией, притом состоящей из воевавших против России частей. Главой правительства в Королевстве был назначен генерал Зайончек, возведенный царем в княжеское достоинство. Высокие посты получили и генералы Домбровский, Князевич. А ведь Иосиф Зайончек участвовал в восстании Костюшко. Генерал Ян Генрик Домбровский был первым из высших польских офицеров, предложивших свои услуги Наполеону. Это он в Милане сформулировал Бонапарту идею создания польских легионов во французской армии. В 1812 году во главе крупного отряда Домбровский оборонял от наступающих русских войск Борисов и переправу через Березину. Несмотря на такие «заслуги» перед Российской империей, он получил повышение в звании до генерала кавалерии и даже стал сенатором империи. Генерал Кароль Князевич в битве на Березине командовал корпусом, дрался с русскими под Смоленском и Бородино. И ему это не помешало заседать в Военном комитете под председательством цесаревича Константина – наследника российского трона и брата императора. Никакие репрессии Князевича не постигли.

Интересной, получается, была та Российская империя. Особенно если вспомнить, что буквально через какой-то десяток с небольшим лет после разделов Речи Посполитой ее видный сановник князь Адам Чарторыйский стал министром иностранных дел Российской империи и

Генерал
Иосиф Зайончек

Генерал Ян Генрик
Домбровский

Генерал
Кароль Князевич

ближайшим сподвижником царя Александра, входившим в так называемый узкий круг императора. В этой же связи можно добавить, что были российскими министрами и грек Иоанн Каподистрия, и австриец Карл Нессельроде, а Министерство внутренних дел империи во второй половине XIX века возглавлял армянин Михаил Лорис-Меликов. Так, может быть, и нам пришла пора заняться более пристальным изучением такого феномена в государственном строительстве, как империя? В Европе и США к этому уже серьезно подходят, у нас же ограничиваются констатацией, что империя – сплошное зло. Не исключено, что такое изучение и нам поможет понять свои государственные истоки. Например, выяснить, почему в Речи Посполитой Обоих Народов и ВКЛ не было условий для формирования белорусской нации и белорусской государственности – это слова опять же В. Акудовича из его книги «Код адсутнасці», а в Российской империи они появились и в СССР стали реально оформляться. В. Акудович пишет: «...Уласна беларускі этнас (як толькі беларускі) распачаў фармаванне і выспеў да памеру Нацыі ўжо адно ў кантэксце Расейскай імперыі... Калі землі нашай Бацькаўшчыны былі пабраныя ў склад Расейскай імперыі, дык тут Беларусі яшчэ не было, але ўжо не было і ВКЛ... Інакш кажучы, яшчэ да таго, як на нашыя землі прыйшлі расейцы, мы былі грунтоўна скаланізаваны палякамі... Расейская каланізацыя якраз і вызвалала ВКЛ ды ліцвінаў («народ, издревле нам родной») з-пад польскай каланізацыі. За што... мы мусілі б быць Расей нават удзячны, бо ў XVIII стагоддзі ніякіх тэндэнцый да будучага паўстання незалежнай Беларусі ў Рэчы Паспалітай аніяк не праглядалася...» В. Акудович не скрывает своей не любви к империи, но, тем не менее, констатирует, что в Речи Посполитой процессы этногенеза «былі скіраваны не зусім у той бок, дзе потым аб'являцца «беларусы». Калі б ВКЛ... не страціла дзяржаўнасці да нашага часу, дык, напэўна, сёння мы б не мелі знаку ні сучаснай беларускай нацыі, ні беларускай мовы...»

Говоря об империи, сошлемся на авторов, уже обратившихся к изучению ее сути. Например, на труды доктора философских наук, профессора Владимира Кантора. Как ни ужасно прозвучат его слова для адеп-

тов антиимперского сознания, но именно империя выступила гарантом свободы и разнообразия народов, ее заселявших. Поясняя свою мысль в лекции, текст которой размещен на сайте polit.ru, В. Кантор проводит четкую грань между империей и деспотией, которая ей предшествовала как форма организации государства, объединенного «не общим смыслом, а невиданным раньше насилием, где правом думать и принимать решения обладает лишь один человек, а именно властитель». И расставляет акценты: империя – это «политико-общественное структурное образование, предназначенное для введения в подзаконное пространство разноплеменных и разноконфессиональных народов. Именно в Римской империи возникает идея закона, которому император следует так же, как и его подданные». Империя – это, прежде всего, правовое поле, правовое начало, имперское гражданство, говорит В. Кантор и приводит пример: когда римляне «схватили иудея апостола Павла, они не осмели-

Сеймик
в небольшом
местечке. Рисунок
Я.П. Норблина

лись его бить, потому что он был римским гражданином», а римский гражданин имел право на «собственную независимость по отношению к государству».

Автор категорически возражает против того, чтобы определять империю лишь как «завоевательницу новых земель и их правительницу», ибо это было бы упрощением, так как она, «по сути, устраивает мир между многоплеменным населением». Главным в империи является «единое пространство, где человек становится равным другим людям», иным по национальности или по племенной принадлежности. Отмечает В. Кантор и еще один нюанс: империя – это «борьба цивилизации с варварскими

смыслами внутри своей культуры и с варварскими окраинами». При этом поясняет: империей не надо ни восхищаться, ни возмущаться, она – этап в истории государства и права.

В современной Западной Европе тоже пересматривается взгляд на империю. Как замечает профессор Центральноевропейского университета в Будапеште Алексей Миллер в статье «История империй и политика памяти», опубликованной в журнале «Россия в глобальной политике» в июле 2008 года, ругательный аспект все заметнее вытесняется вдумчивым подходом. Все чаще указывается на то, что нынешние нации-государства, а именно таковыми является большинство стран Европы, выросли как раз в империях, что «имперские успехи помогали формированию нации». В своих взглядах он солидарен с В. Кантором, для которого «империя, если угодно, – это матка, инкубатор, в котором рождается нация, где потихоньку идет развитие наций, которые впоследствии так или иначе выходят из империи, становятся отдельными государствами, все равно сохраняя в себе имперские начала».

Гарвардский ученый Терри Мартин (его цитирует А. Миллер), анализирующий в книге «Империя положительной политики советской власти в первое десятилетие существования СССР, напоминает о том периоде, который и в нашей историографии получил название «коренизации». Он был характерен «вытеснением русского языка из государственной и общественной жизни за счет замещения его языками местного населения» и даже переселением русских из вновь образованных национальных республик. Говоря об этой политике, Т. Мартин пишет, что большевики в тот период «создавали национальные элиты там, где их не существовало или где они были слабы. Они распространяли и поддерживали в массах различные формы национальной культуры и идентичности там, где эта задача стояла на повестке дня. Они способствовали территориализации этничности и создавали национальные образования на разных уровнях. Наконец, в этих национальных образованиях они решали некоторые задачи, характерные для национальных либо национализирующихся государств, выдвигая новые национальные элиты и насаждая

новые национальные языки». Говорит он, кстати, и о белорусах. В СССР, указывает Т. Мартин, «проект общерусской нации был отброшен... а украинская и белорусская нации были институционализированы как отдельные, со своей собственной территорией». Разве это не коррелируется с тем, что говорил В. Акудович?

Так, может быть, нашим историкам стоит под этим углом пристальнее всмотреться в историю Речи Посполитой и ВКЛ, чтобы понять, чем они были? Например, выяснить, почему Речь Посполитая не стала империей, хотя была огромным государством, имея почти миллион квадратных километров территории, и почему белорусскость не могла в ней вырваться? Тогда придется согласиться с тем, что такому вырванию в Речи Посполитой мешала ориентация на три «моно»: мононарод, монорелигия, монокультура. Все должно было быть переделано на один лад – польский. В. Акудович, рассуждая о творчестве Адама Мицкевича, говорит, что, «па сутнасці, ён усё жыццё толькі і рабіў, што перакладаў Беларусь на польскую мову». Но есть основания сказать, что вся государственная политика в Речи Посполитой, особенно после Люблинской унии, была направлена на «перевод» на польский манер всей жизни в ВКЛ. То, что сопротивлялось, априори объявлялось низшим по статусу. Да и сам акт о Люблинской унии был написан только по-польски. Об этом напоминает американский исследователь Тимоти Снайдер в своей книге «Реконструкция наций: Польша, Украина, Литва, Беларусь» и делает вывод: «Польский язык приобрел соответствующий статус в Литве не в результате иммиграции поляков, а через постепенное принятие политического строя, который утверждался в Польше и с 1569 года закреплялся в польско-литовской Речи Посполитой». Разделы из этой книги публиковал журнал «Дзеяслоў» (№ 10 и 11, 2004 год).

Это что касается равенства народов. А каким было в Речи Посполитой в целом и в ВКЛ в частности правовое поле применительно к другим аспектам жизни людей? Ведь еще в конце XVI века был принят Статут ВКЛ, нередко называемый первой в Европе конституцией. Обратимся к книге известного в нынешней Польше публициста Рафала Земкевича «Поляцтво» (2008). Давняя Речь Посполитая была

страной невероятной безнаказанности, считает он. Настоящим символом такой безнаказанности и самовольства стал Самуэль Лаш, который, решив показать, что плевать ему на суды и трибуналы, приказал себе шить одежду из пергаментов, на которых теми судами и трибуналами были написаны осуждающие его приговоры, и в таком виде явился на королевский бал. Да еще и сожалел, что одежда получилась коротковатой, поскольку приговоров оказалось меньше, чем нужно было для пошива длинной.

Был и Адам Понинский – вор, аферист, циничный предатель, который, являясь подскарбием самого короля Станислава Августа, «грабил государство сотнями способов, собирал дань и взятки и продавал все – ордена, должности, военные звания, все, что кто-то мог купить», а также «без

«Рейтан. Упадок Польши (Польский сейм 21 апреля 1773 года)». Фрагмент картины Яна Матейко. 1866 год. В центре в красном кафтане с поднятой рукой – Адам Понинский

тени смущения брал деньги и у Берлина, и у Кремля». Его с большим трудом, но все-таки осудил сам Великий сейм на конфискацию имущества. И как отреагировал Понинский? – вопрошает Р. Земкевич. Отъехал немного от Варшавы и закатил бал, на который пригласил весь высший свет государства, стоявший за приговором. И никто не отказался.

А еще, вспомним, был Кароль Радзивилл – несвижский Пяне Коханку. Он мог позволить себе выпустить в обращение полновесные золотые монеты, на которых был изображен король Станислав Август Понятовский и выбиты слова «Król Poniatowski! Kier z łaski Boskiey», то есть – «Король Понятовский! Божьей милостью – дурак». Он позволял себе ворваться в дом виленского епископа, приказать своим драгунам открыть стрельбу в зале суда, как это случи-

лось в Минске в 1775 году, выстрелить кому-либо в лоб на балу в собственном дворце. Не зря в те времена ходила поговорка: «У трибунала декрет, а у Радзивилла мушкет». Подробно об этом прочитайте у профессора А. Мальдиса в его книге «Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі», изданной в Минске в 2001 году, и в книге «Выбранае», вышедшей в серии «Беларускі кнігазбор» в 2007 году. Этот Радзивилл, которого называли третьим пьяницей во всей Речи Посполитой, этот «деспот и пьяница, развратник и авантюрист, фантаст и чудак... был типичным порождением своего времени», подчеркивает А. Мальдис. И заключает: к XVIII веку «выразительно обозначается физическое и моральное вырождение магнатства». Все чаще проявляются «психические расстройства, маньячество, садизм, распущенность. В XVII столетии магнаты еще брали в руку саблю, занимались государственными проблемами... Теперь же шляхетская элита проводит время в непрерывных балах и охотах», не оставляя после себя даже потомства.

Пьянки и драки сопутствовали сеймам и сеймикам. Скандально проходили даже сеймы Речи Посполитой, особенно в Гродно, пишет А. Мальдис. Во время заседаний рекой лилось вино, в выступающих из зала летели гнилые груши, случались и обычные драки. На сеймике в Бресте в 1755 году две противоборствующие партии ссорились так, что в ход пошли сабли. Мемуарист М. Матушевич зафиксировал: «Четырнадцать человек с той стороны порубили...». В «Диариуше жизни» скарбовый писарь Великого княжества Литовского Игнат Лопатинский рассказал о том, как «решались вопросы» на заседании мстиславского воеводского сейма: «Пан Левон Ильич, городской писарь из партии Воловичей, имея в руках старосветский инкрустированный топорик тонкой работы, хотел дать им по лбу старосте Шпилевскому, но тот убежал, а Станислав Волович вскочил на стол и выхватил саблю; тогда две партии не стали лезть, особенно, когда два брата Завистовские перевернули стол на партию Воловичей. Сеча продолжалась около часа, пока с дароносицей не вышли ксендзы...

Кароль Радзивилл
(Пане Коханку)

В той сече в обеих партиях было множество порубленных, наиболее тяжело – Толпыга, Дубяга и Козел; двое же от тяжелых ран сразу же умерли». Добавим, что заседание сейма проходило в костеле. Магнаты имели собственные многочисленные армии. У слущкого Иеронима Радзивилла в середине XVII века было шесть тысяч войска – столько же, сколько насчитывала вся армия ВКЛ. Эти господа позволяли себе сноситься с иностранными монархами, заключать с ними союзы, воевать на их стороне, вести войны между собой. Пан Щенявский в 1765 году объявил войну всей России из-за островов на Днепре. Почти за двести лет до этого Вишневецкие тоже начали войну с Россией, не посмотрев на то, что у короля в это время был с Россией «вечный мир», и воевали тринадцать лет. С больших панов брала пример вся шляхта, которую выросший в наших местах Фаддей Булгарин называет буйной и непросвещенной, находившейся в полной зависимости от каждого, кто кормил и поил ее. Она «поступала в самые низшие должности у панов и богатой шляхты, и терпеливо переносила побои, – с тем условием, чтобы быть битыми не на голой земле, а на ковре, презирая, однако же, из глупой гордости занятие торговлей и ремеслами, как неприличное шляхетскому званию».

П. Ясеница утверждает, что ВКЛ было не республикой, а диктатурой. Диктатором был тот магнат, который в данный исторический момент располагал наибольшим влиянием. Вот слова историка: «Ни в один из моментов своей истории Великое княжество не было шляхетской республикой. Никогда обычные землевладельцы и прочая гербовая мелочь не играли в ней ведущей роли... Великое княжество было магнатской монархией, фактически абсолютной... Литву всегда сотрясал отдельный род. Время и ход событий передавали власть из рук радзивилловских в руки Пацов, Сапег, но это не меняло сути...» Р. Земкевич главной причиной упадка первой Речи Посполитой уверенно называет именно аристократию и шляхту.

А как же жилось простому люду в ВКЛ? Новь обратимся к авторитетным авторам.

Как пишет А. Мальдис, крестьяне часто «расставались с жизнью от руки ласкового пана». Однако «не стоило обращаться

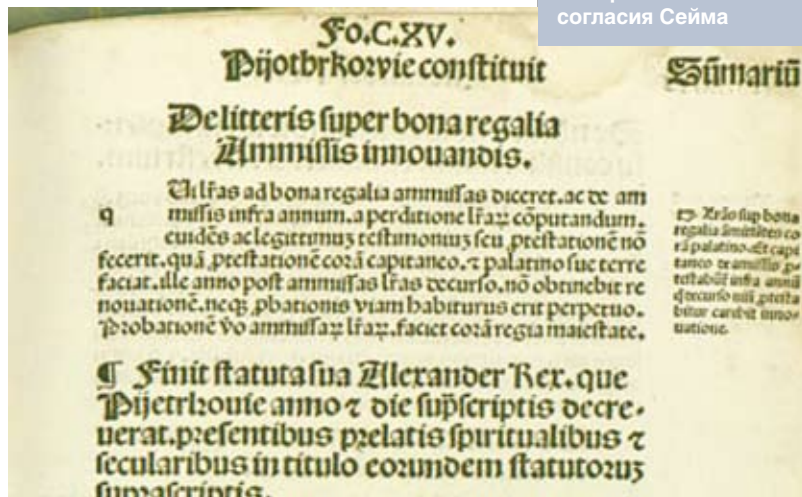
к правосудию, которое мужицкую голову ценило не дороже ста золотых».

Согласно сведениям А. Широкограда, повесить или посадить на кол собственного мужика, с живого содрать кожу не было пределом «вольности», проявлением особой удали для пана считалось зарубить саблей или утопить ремесленника или еврея-шинкаря...

По словам Ф. Булгарина, поселяне же вообще были угнетены, а в Литве и Белоруссии положение их было гораздо хуже положения американских негров.

Известный церковный деятель иезуит Петр Скарга утверждал: «Нет государства, где бы подданные и земледельцы были угнетены так, как у нас, под беспредельной властью шляхты. Разгневанный землянин (землевладелец. – Авт.) или королевский староста не только отнимает у бедного холопа все, что у него есть, но и самого убьет, когда захочет и как захочет, и за то ни от кого дурного слова не услышит».

Фрагмент первой страницы Конституции 1505 года «Nihil Novi» («Ничего нового»), запретившей польскому монарху принимать важные для государства решения без согласия Сейма

Это тогда родилась поговорка: «Пану ниц, а хлопа – на паль!» – пану ничего, а холопа – на кол. Как пишет А. Широкоград, «когда русские вернули себе земли... то они первым делом заставили панов спилить виселицы и колья в барских имениях». (Вспомним по этому поводу слова А. Миллера о борьбе империй с варварством в собственных пределах.)

А каким был авторитет Речи Посполитой в других странах? В далекой Америке, пишет М. Грабовска, филадельфийский адвокат Джон Диккинсон, призывая к борьбе за независимость, пугал земляков: если эта независимость не будет достигнута, «то

останемся такими же подлыми невольниками, каких можно видеть в Польше, потому что весь польский народ – это только господа и невольники, а невольником является каждый человек труда, настолько низко он ценится». Р. Земкевич с горечью констатировал: «Главная причина, из-за которой давняя Речь Посполитая вынуждена была пасть... была шляхетская анархия и магнатское самовольство... Речь Посполитая Обоих Народов была редким примером полной непродуктивности и невероятного растраниживания огромных ресурсов. Ее хозяйственная деятельность ограничивалась продажей на запад плодов земли и природы. Единственным известным нашим предкам методом максимализации прибыли было все более усиливающееся обдирание крестьян – даже до уровня, означающего заталкивание их в нечеловеческую нищету и отсталость... Трудно себе представить что-то более паразитическое и непродуктивное, нежели Речь Посполитая Обоих Народов. Стоит ли удивляться, что однажды Бог посмотрел на нее сверху и решил: пора с этим кончать».

Констатировав, что белорусскость сохранилась и вызрела в нацию благодаря деревне, В. Акудович пишет, что «у фармаванні ўжо ўласнабеларускага этнасу шляхта, лічы, не ўдзельнічала». И наоборот, «у фактары сацыяльнай дэкалектывізацыі яе роля была досыць значнай». Так слава богу, что не участвовала. Это магнаты и шляхтичи похоронили два государства: сначала ВКЛ, отворачиваясь от своей веры, своего языка, своей культуры, в целом от своей идентичности, затем и всю Речь Посполитую. Как заметил упоминавшийся уже Т. Снайдер, «после 1569 года литовская шляхта стала отождествлять себя с польскостью не только политически, но культурно», простой люд на шляхту смотрел как на предателей народа. Родившийся в Скоках под Брестом Юлиан Урсин Немцевич, свидетельствуют его современники, лез в драку, когда ему напоминали, что он – не природный поляк. Потомки Радзивиллов в 1919–1921 годах воевали отнюдь не в подразделениях БНР, а в польской армии. Один из них – Станислав Вильгельм – был адъютантом маршала Пилсудского. В польскую армию ушел и уроженец Ошмян, офицер русской императорской, а затем денкинской армий Люциан Желиговский. В 1919 году

он командовал дивизией в составе атаковавших столицу БССР Минск польских войск, а в 1920 – присоединил к Польше Вильнюс. Среди тех, кто отстаивал интересы возрождающейся Польши на Версальской мирной конференции, был и сын Адама Мицкевича Владислав. Эту точку над «і» тоже пора ставить, чтобы не рыдать, как о потерянном, о том, что потерялось по собственному желанию.

Поскольку эта публикация начиналась с обращения к статье «Суворов vs Костюшко», позволю себе еще раз вернуться к генералиссимусу. Однажды, в целом положительно характеризуя одного из офицеров, он все-таки отметил, что тот «в бою застенчив». Впечатление подобной застенчивости часто производят и наши историки, не решаясь сказать о том, о чем молчать не стоит. Совсем недавно в Интернете наткнулся на сообщение: 70 % поляков, если их спросить о кресах восточных, и теперь ответят, что это отторгнутые у Польши территории. Выходит, мы живем и строим свое государство на чужих землях? Так не пора ли активнее напоминать, что эти территории в начале XX века стали польскими окраинами в результате агрессии только что возродившейся Польши, так как провозглашение БНР и БССР ее власти просто игнорировали и даже скрывали от собственной общественности. Против той агрессии активно протестовали западноевропейские страны и два года не признавали Рижский договор, разделивший территорию белорусов почти пополам. Британский МИД перед подписанием этого договора прямо предостерегал: нельзя удовлетворять разгоревшиеся польские территориальные аппетиты по отношению к соседям на востоке, поскольку, как только соседи (то есть Россия) окрепнут, они захотят вернуть свое, а для этого могут пойти на сближение с Германией. Об этом же твердила французская пресса. Дальновидными оказались те предупреждения!

Так, может, не стоит нашим историкам уподобляться страусу и когда речь идет о пакте Риббентропа – Молотова, по которому, как продолжают утверждать за Бугом,

Крестьянин и пан.
Гравюра XVI века

СССР оккупировал польские земли, а не возвратил белорусам белорусское, украинцам украинское, а литовцам литовское? Тем более что за этот пакт, как и за Рижский договор, Беларусь – ни разделенная, ни нынешняя объединенная – не несет никакой ответственности. Большие игроки на политическом поле всегда действовали без учета интересов малых народов и даже союзников. Вряд ли в 1939 году, идя на подписание документа, Сталин думал о белорусах больше, чем в 1921 году, когда наш народ располовинивали. Он решал другие задачи. Как и Черчилль, когда в 1940 году вместе с тем же Гитлером поделил Данию, оккупировав Исландию, входившую тогда в датское королевство. Так не будет ли правильнее увязывать тот пакт с Рижским договором и даже с Люблинской унией, как это делает американский историк Т. Снайдер. В своей книге «Реконструкция наций: Польша, Украина, Литва, Беларусь» он отметил, что пакт дезавуировал Люблинскую унию, служившую правовым обоснованием польских претензий на земли к востоку от Буга: «1939 год перечеркнул 1569». Возможно, если бы в 1921 году Польша не загребла «не свое», советско-германского соглашения в августе 1939 года и не было бы. И пока ученые «хранят гордое терпение», появляются публикации, ставящие под сомнение наше воссоединение. Так не молчите же, поскольку, сами знаете, молчание – знак согласия. А для нас согласиться с тем, что мы живем не на своей земле, – то же самое, что разрушить собственный дом. ┘

ГДЕ КУПИТЬ ЖУРНАЛ?

АДРЕСА МАГАЗИНОВ И КИОСКОВ «БЕЛСОЮЗПЕЧАТИ» В МИНСКЕ,
ГДЕ МОЖНО КУПИТЬ ЖУРНАЛ «БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА»:

Автовокзал
«Восточный»

Ул. Володарского, 16
Ул. Володарского, 22
Ул. Есенина, 16
Ул. Жилуновича, 31
Ул. Жуковского, 5/1
Ул. Жуковского, 10А
Ул. Запорожская, 22
Ул. Кижеватова, 80/1
Ул. Я. Коласа, 67
Ул. Ленина, 14
Ул. Ленина, 15

Ул. К. Маркса, 1
Ул. К. Маркса, 21
Ул. К. Маркса, 38
Нац. аэропорт Минск
Пр. Независимости, 8
Пр. Независимости, 44
Пр. Независимости, 74
Пр. Партизанский, 56
Пр. Победителей, 51/1
Пр. Победителей, 91
Пл. Привокзальная, 3
Пл. Пушкина, 77
Пр. Рокоссовского, 140

Ул. Славинского, 37А
Ул. Советская, 11
Ул. Сурганова, 40
Ст. метро
«Пл. Победы»
Ст. метро
«Пушкинская»
Ст. метро «Уручье»
Торг. центр «Столица»
Ул. М. Танка, 16
Ул. Филимонова, 63
Ул. В. Хоружей, 24 к. 2
Бул. Шевченко, 7